

— Остановись!

Чжао Фан снова попытался вмешаться, но двое слуг крепко схватили его за руки:

— Брат Чжао, не порти барышне настроение, это её приказ.

Чжао Фан в гневе обернулся к четвертой молодой госпоже:

— Госпожа, в чем вина Гу Сы? За что вы его истязаете?

Барышня вздернула подбородок, глядя на него свысока:

— У меня дурное настроение. Хочу – и бью, разве мне нужны причины?

Чжао Фан осекся, а затем горько усмехнулся про себя. Как он мог забыть, что в мире этой книги царит жестокая иерархия?

Сейчас у героя нет ни власти, ни положения; даже если четвертая госпожа забьет его до смерти, ни один чиновник не посмеет предъявить претензии резиденции маркиза.

Гу Сы просто исчезнет, бесследно, словно его никогда и не было на свете.

Кулаки Чжао Фана медленно сжались от ярости:

— Госпожа, это я привел Гу Сы в дом. Если он виноват – ответственность на мне.

— Если у вас дурное настроение, побейте меня. Он еще ребенок, проявите милосердие, отпустите его.

— Я готов принять наказание за него!

Эти слова Чжао Фана прилюдно задели самолюбие четвертой госпожи. Она холодно рассмеялась:

— О надо же, Чжао Фан! Не ожидала, что ты такой благородный.

— Думаешь, я не посмею тебя тронуть?

— Да будь здесь твои родители – я бы и им по лицу съездила, а ты кто такой?

— Лицо у тебя есть, только пока я позволяю. А не позволю – ты ничем не лучше скотины!

— Хочешь побоев? Ладно. Сяньюй, уважь его.

Слуги тут же швырнули Чжао Фана к Гунсунь Сы.

Оказавшись рядом, Чжао Фан наконец разглядел раны юноши: старые шрамы перемешались со свежими рубцами, спина превратилась в кровавое месиво.

— Прости, — прошептал Чжао Фан, сгорая от вины. — Я не смог тебя защитить.

Каким же он был дураком, полагая, что здесь можно прожить жизнь простого обывателя.

Это не правовое государство. Это мир, где власть имущие убивают, не задумываясь о последствиях.

Возможно, он ошибался с самого начала.

Гунсунь Сы, всё это время молча принимавший удары, едва заметно напряг спину, услышав его слова.

Только он понимал истинную причину ярости Сяньюй.

Она ненавидела его за то, что они с Чжао Фаном «сошлись», но ничего не могла поделать с самим Чжао Фаном, а потому вымещала всю желчь на нем.

Гунсунь Сы не чувствовал боли: страдания были для него привычным делом. Ради достижения цели он мог пойти на всё – и принять любую кару.

В глазах Сяньюй полыхнула ненависть, она высоко замахнулась плетью, вновь целясь в мальчишку.

Чжао Фан резко рванулся и крепко обнял юношу, закрывая его своим телом.

— Хлысть!

Удар пришелся от лопатки до самого копчика. От боли в глазах Чжао Фана посыпались искры, он судорожно втянул воздух.

Проклятье! Ну и силища у этой бабы!

Видя, как яростно Чжао Фан защищает этого нищего, Сяньюй покраснела от злости. Она уже занесла руку для нового удара, но четвертая госпожа приказала:

— Стой.

— Тао-эр, иди сюда.

Вскоре Тао-эр принесла из кухни миску прокисшей каши и поставила её перед Гунсунь Сы:

— Съешь это. Может, тогда барышня сменит гнев на милость и отпустит тебя.

Четвертая госпожа поправила лисью накидку на плечах и высокомерно бросила:

— Маленький попрошайка, раз уж ты пришел просить милостыню к воротам нашего поместья, мы должны угостить тебя как следует.

— Небось, когда на улице клянчишь, в ногах валяешься и господами величаешь?

— Но я, Шэнь Цюжун, милосердна. Сегодня не требую поклонов. Просто ешь эту кашу с земли на коленях, и я тебя отпущу.

— Разумеется, руками трогать нельзя. Иначе велю переломать тебе конечности.

Гунсунь Сы уставился на миску с тухлятиной. По правде говоря, даже испорченная еда в поместье маркиза была лучше того, чем он питался раньше.

Но тогда он был человеком без памяти, без прошлого и будущего – бродягой, мечтавшим лишь выжить.

Теперь же, пусть он по-прежнему не имел ничего, в его жилах текла кровь рода Гунсунь. Он скорее умрет с достоинством, чем позволит себе жить как раб.

Гунсунь Сы плотно сжал губы, ледяным взглядом сверля миску. Он не встанет на колени. И не притронется к этой дряни.

Заметив непокорность мальчишки, барышня вышла из себя:

— Эй, вы!

— Сначала перебейте ему ноги, а потом и руки!

— Не поверю, что не смогу приструнить какого-то оборванца!

Видя бешенство в глазах четвертой госпожи, Чжао Фан испугался, что она и впрямь велит забить героя до смерти. Он поспешно воскликнул:

— Госпожа, не гневайтесь! Он не ест - я съем!

С этими словами он рухнул на колени.

От спешки Чжао Фан едва не ткнулся лицом в миску; в нос ударил кислый, тошнотворный запах тухлой крупы.

Он закашлялся, а его жалкий вид вызвал взрыв хохота у столпившихся зевак.

Четвертая госпожа тоже развеселилась:

— Чжао Фан, ну и дрянь же ты! Тебя никто не наказывал, а ты сам на рожон лезешь.

— Думаешь, если ты съешь за него, я его прощу?

Лицо Чжао Фана было измазано кашей, глаза слезились, но он завел руки за спину, даже не пытаясь вытереться:

— Так и есть, так и есть... Гу Сы - глупый мальчишка, прогневал барышню, заслужил и плетей, и кары.

— Главное - ваше хорошее настроение. Если госпожа будет довольна, я на всё готов.

Угодливые слова прилились по вкусу барышне, и она немного смягчилась.

— Надо же, Чжао Фан, а ты умеешь прогибаться.

— Ладно. Тогда лай как собака.

Чжао Фан послушно залаял, чем вызвал новый приступ смеха у толпы.

— Брат Чжао, давай, ползи! Хвостом виляй!

— А ну, под мостом пролезь!

— Дерьмо ешь!

— Ха-ха-ха!

Слуги наперебой выкрикивали издевки, радуясь редкому зрелищу.

Цзисян пытался утихомирить людей, но его голос тонул в общем гомоне.

Липкая каша на лице доставляла невыносимый дискомфорт, и Чжао Фан не выдержал – прижался щекой к снегу, пытаясь её оттереть. К лицу тут же прилипли сухие ветки и прелые листья.

— Ха-ха-ха!

Смеялись все. Кроме Гунсунь Сы.

Он смотрел, как Чжао Фан на четвереньках ползает по грязи, словно пес, виляет задом и задирает голову, лая на потеху толпе.

Локти и колени Чжао Фана промокли в талом снегу, он дрожал от холода, но на лице его сияла широкая, «радостная» улыбка – улыбка пса, изо всех сил старающегося угодить хозяину.

Его попытки понравиться были нелепыми и жалкими.

Но Гунсунь Сы было не до смеха.

В его душе бушевали боль, ненависть и жгучая обида за него.

Он никогда прежде не испытывал подобной ярости – ярости, от которой хотелось вырезать здесь всех до единого, вырвать им языки, чтобы они больше никогда не смогли смеяться!

Оскал демона проступил на лице Гунсунь Сы, делая его облик мрачным и пугающим.

Но сейчас все взгляды были прикованы к паясничающему Чжао Фану, и на него никто не смотрел.

Один из лакеев выставил ногу и поманил Чжао Фана пальцем:

— А ну, песик, проползай под ногами!

Толпа подхватила хором:

— Под ногами! Под ногами!

Чжао Фан, разумеется, не горел желанием ползать под чужими ногами. Ни в прошлой жизни, ни в этой он еще никогда не падал так низко.

Однако вошедшая во вкус четвертая госпожа тоже начала подгонять его:

— Чего застыл?

— А ну, лезь!